

КН. М. С. ВОРОНЦОВЪ И Н. Н. МУРАВЬЕВЪ.

(Изъ служебныхъ воспоминаній М. П. Щербинина).

I.

Въ первомъ томѣ біографіи гр. Михаила Николаевича Муравьева, составленной г. Кропотовымъ, собрано весьма много интересныхъ свѣдѣній и матеріаловъ. Тѣмъ прискорбнѣе встрѣтить въ этомъ трудѣ неточности въ характеристическихъ очертаніяхъ личностей, одновременно съ Муравьевымъ служившихъ Россіи. Такъ напримѣръ, на стр. 25, по поводу указанія на дѣятельность Николая Николаевича Муравьева, во время его намѣстничества на Кавказѣ, находится слѣдующая оцѣнка дѣятельности его предмѣстника, по мнѣнію моему, крайне ошибочною: „Послѣ расточительнаго и роскошнаго намѣстничества князя Воронцова, экономическое и скупое управленіе Н. Муравьева должно было показаться нѣсколько суровымъ. Но, при тогдашнемъ положеніи Россіи, необходимо было оставить азіатскую пышность, многочисленный дворъ и множество барскихъ затѣй его предшественника, обременительныхъ для государственнаго казначейства“.

Князь Воронцовъ, обладая значительнымъ состояніемъ, дѣйствительно имъ щедро пользовался для оказанія вспомоствованій нуждающимся, для облагодѣтельствованія многихъ; но домашняя его жизнь всегда отличалась простотою, далеко не азіатскою роскошью въ подражаніе нашимъ стариннымъ барамъ; жизненная обстановка его дышала лишь тѣмъ комфортомъ, въ коемъ онъ съ малолѣтства былъ взрожденъ. Если и можно допустить какой либо ему укоръ, это развѣ въ томъ, что примѣрами его увлеклись нѣкоторые туземцы, которые, для улучшенія своего быта, стали прибѣгать къ безразсчет-

нымъ затратамъ; обвинять же кн. Воронцова въ расточительности, обременительной для государственнаго казначейства, было бы верномъ несправедливости.

Въ теченіе 20-ти-лѣтняго своего управленія Новороссією и Бессарабією, князь Воронцовъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи тѣхъ казенныхъ денежныхъ средствъ, которыя впослѣдствіи, на Кавказѣ, были ему предоставлены; но пламенно радъ о развитіи благосостоянія во ввѣренной ему странѣ, сознавая, что, для полученія обильной жатвы, не слѣдуетъ щадить насажденія плодотворныхъ сѣмянъ,—на свой собственный счетъ, выписывалъ изъ-за границы тонкорунныхъ племенныхъ барановъ и овецъ, виноградныя лозы и плодовые растенія; создалъ своими примѣрами и поощреніями обширное овцеводство, винодѣліе, всякаго рода сельскую промышленность; приводилъ въ дѣйствіе всѣ, могущія оказаться успѣшными, мѣропріятія къ оживленію торговли, къ устройству водянаго и сухопутнаго сообщенія, къ развитію добыванія каменнаго угля, изысканію источниковъ доходовъ и проч.; и сѣмена, насажденные рукою гениальнаго, опытнаго сѣятеля, стали приносить обильные плоды; затраты, имѣ, на собственный счетъ, совершенныя, сторицею вознаградились; ими пользуется нынѣ обширная страна, омываемая волнами Чернаго и Азовскаго морей, Днѣпромъ, Днѣстромъ и Бугомъ. Между прочими созданіями кн. Воронцова, Бердянскъ подѣлится пышнымъ памятникомъ оплодотворенія обширныхъ земель, его окружающихъ, пріобрѣвшихъ житницу, для склада и сбыта своихъ богатѣйшихъ произведеній. Не опасаясь, чтобы мною здѣсь высказанное встрѣтило возраженія со стороны познакомившихся, въ 1825 г., съ Одессою и Новороссійскимъ краемъ и въ послѣдніе годы посѣщавшихъ эту перерожденную страну.

Обращаясь къ дѣятельности кн. Воронцова на Кавказѣ, не могу не повторить, что никакой азіатской пышности имъ не было тамъ водворяемо; многочисленнымъ дворомъ себя не окружалъ, а состояли при немъ, какъ и при всѣхъ главнокомандующихъ, адъютанты и канцелярія походная и центральная въ Тифлисѣ, для дѣлъ гражданскихъ, какъ по Кавказу и Закавказью, такъ и по Новороссійскому краю, остававшемуся въ главномъ заведываніи кн. Воронцова; сверхъ того, при немъ состояли, какъ и при каждомъ главномъ начальникѣ, чиновники для исполненія особыхъ порученій. Нельзя, кажется, именовать барскими затѣями, установленныя имъ на время пребыванія его въ Тифлисѣ еженедѣльные вечера, балы и концерты, имѣвшіе цѣлью сліянiе туземцевъ съ русскими и уничтоженіе едва-ли ни враждебной розни, искони существовавшей между разнородными и разноплеменными обитателями Кавказа; затѣи же этого рода не лежи-

лись бременемъ на государственное казначейство, а совершались на иждивеніе богатаго вельможи, коему ввѣрено было управленіе, слѣдовательно, и обрусѣніе края.

Имѣя въ своемъ распоряженіи, отпускаемую изъ казны, особую сумму на полезныя предпріятія, кн. Воронцовъ, дѣйствительно, не накоплялъ и не сберегалъ эту сумму, не обрекалъ ее на бесплодное заточеніе въ казначейскихъ хранилищахъ, но давалъ ей направленіе, соотвѣтствующее ея цѣли. Изъ этого источника выдавались ссуды на разведеніе садовъ плодовыхъ и виноградныхъ, на оживленіе всякаго рода сельской промышленности, на учрежденіе въ разныхъ мѣстностяхъ разсадниковъ деревъ и другихъ растеній; сдѣланы опыты къ усиленію разведенія сарачинскаго пшена, шафрана и хлопчатника; выписаны сѣмена табаку изъ Крыма, Смирны и Албаніи; приняты мѣры къ поощренію шелководства, разведенію марены и другихъ мануфактурныхъ растеній, къ розысканію мѣсторожденій и добыванію каменнаго угля, оживденію нефтяныхъ промысловъ и другихъ, въ нѣдрахъ Кавказа заключающихся, минеральныхъ богатствъ, улучшенію путей сообщенія, къ учрежденію пароходства по Ріону и Курѣ; выдаваемы были денежные вспоможенія предпримчивымъ обывателямъ городовъ на возведеніе, по указываемымъ планамъ, зданій, отдаваемыхъ, по сооруженіи ихъ, въ наемъ подъ казенныя учрежденія; основана въ Тифлисѣ публичная бібліотека покупкою у бывшаго ректора С.-Петербургскаго университета, профессора Дегурова, богатаго собранія книгъ; устроенъ, съ немалыми затрудненіями, чрезъ отличавшуюся неимоверною быстротою рѣку Куру, постоянный мостъ, посредствомъ коего соединено съ городомъ постепенно расширявшееся и достигшее во всѣхъ отношеніяхъ полезнѣйшаго значенія предмѣстье Куки, подвергавшееся незадолго предъ тѣмъ набѣгамъ лезгинскихъ партій и хищниковъ; основано въ Тифлисѣ литейно-механическое заведеніе, учреждена гранильная фабрика для обработки яшмы, мраморовъ и другихъ твердыхъ породъ, въ обиліи и превосходнаго качества добываемыхъ; для поощренія разведенія овецъ и шерстяной промышленности, равно какъ съ цѣлю основанія мѣстной выдѣлки и, слѣдовательно, удешевленія армейскаго сукна, устроена суконная фабрика и пр.

Не мѣсто здѣсь представлять подробный перечень всему, что совершилъ кн. Воронцовъ, въ теченіе 9-ти-лѣтняго своего намѣстничества на Кавказѣ, всего, чему имъ были положены благія начала. Нельзя, конечно, утверждать, что всѣ его предположенія и начинанія увѣнчались полнымъ успѣхомъ; но какой же самый опытный сѣятель можетъ поручиться, что насажденные имъ сѣмена повсюду достигнутъ

желаемаго роста и не подвергнутся внѣшнимъ, атмосферическимъ и всякаго рода вліяніямъ?

Вполнѣ справедливо сказано г. Кропотовымъ, что до Н. Муравьева Кавказъ не только не приносилъ дохода казнѣ, но еще поглощалъ значительныя суммы, присылаемыя изъ имперіи; но нельзя не принять во вниманіе, что субсидіи эти, главнымъ образомъ, служили на покрытіе громаднхъ издержекъ, непрерывно, въ теченіе многихъ лѣтъ, требуемыхъ военными дѣйствіями противъ горцевъ. Не имѣя надлежащихъ для того данныхъ, не смѣю подтвердить показаніе, что первые четыре милліона рублей дохода отъ Кавказа были доставлены за время 2-хъ-лѣтняго управленія Николая Николаевича Муравьева. Знаю только, что дѣйствительно, въ теченіе одного года, мною проведеннаго подъ его начальствомъ, по его распоряженію, было взыскано много долговъ казнѣ и усилены мѣры къ пресѣченію въ казначействахъ размѣновъ, столь для казначеевъ прибыльныхъ, золота на кредитныя бумажки.

Могу, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявить, что кн. Воронцовъ, израсходывая суммы, въ его распоряженіи состоявшія, на предпріятія, имѣвшія цѣлью развитіе обильныхъ и мало еще извѣстныхъ источниковъ благосостоянія, повсюду разсѣянныхъ въ странѣ обширной, надѣленной самыми разнородными дарами природы, въ тоже время неуспынно заботился объ изысканіи средствъ и приведеніи въ исполненіе мѣропріятій къ увеличенію доходовъ и уменьшенію расходовъ на Кавказѣ и въ Закавказьѣ.

Такъ, чрезъ соединеніе двухъ закавказскихъ казенныхъ палатъ, Тифлисскую и Шемахинскую, въ одну, произошло сбереженіе суммы 13,500 руб.; съ закрытіемъ, въ тѣхъ же губерніяхъ, палатъ государственныхъ имуществъ и сосредоточеніемъ завѣдыванія дѣлами по этой части въ учрежденной, при главномъ управленіи Закавказскимъ краемъ, экспедиціи, расходы сократились на 55,920 руб.; на содержаніе сей экспедиціи назначено было, въ 1852 году, 117,073; доходовъ же отъ податей съ поселянъ и оброчныхъ статей исчислено было къ поступленію въ томъ же году 925,298 руб. Съ отдачею акциза съ хлѣбнаго вина и разныхъ сладкихъ водокъ, портера и рома, привозимыхъ въ Закавказскій край изъ внутреннихъ губерній — на откупъ, съ 1-го января 1850 по 1-е января 1854 года, съ платежемъ по 130,115 руб. въ годъ, и упраздненіемъ всѣхъ акцизныхъ управленій, достигнуто болѣе 20 т. руб. ежегоднаго приращенія дохода по этой части; съ приведеніемъ же въ дѣйствіе, съ 1-го января 1851 г., на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря, положенія объ акцизѣ съ горячихъ напитковъ, ввозимыхъ въ предѣлы

этого края и о вольной ихъ продажѣ, съ прекращеніемъ существовавшихъ на черноморской береговой линіи, анапскаго и новороссійскаго винныхъ откуповъ, акцизный сборъ сталъ доставлять по 59,750 руб. въ годъ. Мѣрами, безъ устали принимаемыми, къ усиленію производительности и оживленію внѣшней торговли, вывозъ мѣстныхъ произведеній, не превышавшій до 1845 г. цифры 780 т. р., дошелъ, въ 1851 г., на сумму 1,307,976 р., и доходы казны, составлявшіе до 1845 г. не свыше 310 т. руб., достигли, въ 1851 г., до 649 т. руб. Съ отдачею въ откупное содержаніе Салыанскихъ рыбныхъ промысловъ, доставлена возможность упразднить тамъ казенное управленіе, сопряженное съ значительными издержками, и ежегодный доходъ казны увеличился почти на 55 т. р.; таковою же отдачею соляныхъ и нефтяныхъ промысловъ, въ Шемахинской (нынѣ Бакинской) и Дербентской губерніяхъ, на четыре года за 111 т. руб., достигнуто превышеніе дохода казны на 4,068 р.; продажа каменной соли, добываемой на Кульпинскихъ и Нахичеванскихъ промыслахъ, съ 1-го марта 1851 г. по 1-го марта 1855 г., съ ежегодною платою въ казну по 69,120 р., превышеніе чистаго дохода составила по 20 т. р. ежегодно; добычаніемъ соли изъ Чалгирскаго озера, въ сѣверной части Ставропольской губерніи, и перевозкою въ ставропольскій магазинъ по $10\frac{3}{4}$ к. за пудъ, замѣнилось пропорціально привозомъ въ тотъ же магазинъ соли изъ Астраханской губерніи по $25\frac{3}{4}$ к.; казна чрезъ это получила прибыли по 15 к. съ пуда. Регулярными пароходными сообщеніями, установившимися съ персидскими портами, не говоря объ облегченіи всякаго рода сношеній, увеличились доходы по Астраханской губерніи: съ 1844 до 1846 г. они составляли 69,009 р.; съ 1848 по 1850 г. они достигли 130,268 р. Съ введеніемъ въ Шемахинской губерніи податной системы деньгами, вмѣсто прежде существовавшей—натурою, доходъ въ казну сталъ получаться болѣе 100 т. р. противъ прежняго.

Вообще въ 1845 г. доходы съ Закавказскаго края простирались до 1,649,151 р.; по составленнымъ, въ 1849 г., нормальнымъ смѣтамъ, предполагено было доходовъ съ небольшимъ 2,000,000; поступило же дѣйствительно, по 1852 годъ 6,226,492 р., такъ что въ сложности приходилось на каждый годъ 2,075,000 руб.

Подобно Бердянску, на другой оконечности Азовскаго моря, возникнувшій, въ 1848 г., г. Эйскъ, открывая сбытъ произведеніямъ не только Черноморіи, но и Ставропольской губерніи, которая должна была, предъ учрежденіемъ порта въ Эйскъ, направлять свою пшеницу и другіе продукты въ Ростовъ, сталъ развиваться съ неимоверною быстротою. Общій оборотъ по привозу и отвозу товаровъ къ

Эйскому порту простирался въ 1850 г. на сумму 110 т. руб., въ 1851 г. на 189,987 руб.

Изъ этого, далеко неполнаго, но на непреложныхъ данныхъ основаннаго, обозрѣнія 9-ти-лѣтнихъ усилій кн. Воронцова къ достиженію того, чтобы развитіемъ жизненныхъ силъ страны, его управленію ввѣренной, постепенно вознаграждалось коренное отечество за полувѣковыя громадныя пожертвованія его на устройство этой страны, нельзя, кажется, не заключить, что кн. Воронцовъ не расточалъ бесполезно государственное казначейство и состоявшія въ его распоряженіи денежныя средства употреблялъ не на пустыя барскія затѣи, а на насажденія, неминусемо долженствовавшія, въ болѣе или менѣе отдаленной будущности, приносить обильныя жатвы, прилагая вмѣстѣ съ тѣмъ неусыпныя старанія къ преобразованію учебной части на Кавказѣ и въ Закавказьѣ, распространенію просвѣщенія, улучшенію существовавшихъ и открытію новыхъ школъ, улучшенію путей сообщенія, учрежденію пароходства и пр.

II.

Въ послѣднее время нерѣдко стали появляться въ нашей періодической печати отзывы о намѣстничествѣ Николая Николаевича Муравьева на Кавказѣ. Поводомъ имъ послужила статья Ад. П. Берже, помѣщенная въ октябрьской, 1873 года, книгѣ „Русской Старины“, (т. VIII, стр. 599 — 632). Прочитавъ эту статью, я тогда же намѣревался дополнить ее изложеніемъ тѣхъ впечатлѣній, которыя я вынесъ изъ годоваго моего служенія при генералѣ Муравьевѣ; но, будучи постоянно прониженъ той истиною, которую столь основательно высказалъ Г. Θ. Тимирязевъ въ статьѣ своей („Р. А.“ 1873 г.), „что дѣятельность лицъ, коимъ ввѣряемы высшія государственныя должности, не иначе должна быть обсуждаема, какъ съ самою строгою всестороннею внимательностію“; признавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что если подвиги этихъ лицъ, совершенные на поприщѣ служенія отечеству, подлежатъ сужденію исторіи, неумолимый приговоръ которой основывается на неопровержимыхъ фактахъ, то оцѣнка личныхъ и частныхъ свойствъ и качествъ этихъ дѣятелей зависитъ болѣею частью отъ взглядовъ цѣнителей, коихъ точки зрѣнія могутъ быть диаметрально противоположны одна другой,—я уклонился отъ сужденій, касающихся неофициальной и не вполне мнѣ извѣстной дѣятельности Муравьева на Кавказѣ.....

Съ другой стороны, имѣя въ виду, что жизнь Николая Николаевича Муравьева до сихъ поръ не имѣетъ еще біографіи, и полагая, что самыя ничтожныя, поверхностныя очертанія характеристики исто-

рическаго дѣателя, каковъ былъ и Н. Н. Муравьевъ, могутъ быть не бесполезными для будущаго его біографа и послужать ему, быть можетъ, основаніями для выводовъ о болѣе или менѣе косвенномъ вліяніи личныхъ качествъ Николая Николаевича на служебную его дѣятельность, рѣшаюсь передать тѣ воззрѣнія, которыя во мнѣ сложились въ краткое мое при немъ служеніе.

Меня къ этому въ особенности побуждаетъ желаніе выполнить почитаемый мною долгъ совѣсти, сказать слово въ защиту моего стараго сослуживца, А. П. Берже, снискавшаго себѣ всеобщее уваженіе сколько отличнымъ своимъ служеніемъ, столько въ особенности своими замѣчательными трудами по званію предсѣдателя Кавказской Археографической Коммиссіи и заслугами своими отечественной исторіи, отъ взводимаго на него, въ майской книгѣ „Русской Старины“, изд. 1874 г. (т. X., стр. 139—151), статьѣ, подписанной „Любитель Кавказа и Закавказья“, обвиненія въ клеветѣ, столь недостойной г. Берже.

Представленный имъ характеристическій очеркъ Николая Николаевича Муравьева, несомнѣнно вѣренъ во многихъ отношеніяхъ; но очеркъ этотъ, конечно, грѣшитъ отсутствіемъ оттушовки, необходимой для смягченія слишкомъ рѣзкихъ красокъ его картины. Если попытка моя къ воспроизведенію этой оттушовки и не удастся, если замѣтка моя и не послужитъ достаточнымъ разъясненіемъ разнорѣчивыхъ отзывовъ г. Берже и его оппонентовъ о Н. Н. Муравьевѣ, то, во всякомъ случаѣ, замѣтка эта является чуждою всякаго пристрастія или увлеченія. Нельзя не признать аксіомою неопровержимою сказанное достопочтеннымъ редакторомъ „Русской Старины“, въ своемъ примѣчаніи къ помянутой статьѣ, въ майской книгѣ помѣщенной, что, дабы судъ отечественной исторіи произносилъ приговоры праведные и нелицемѣрные, онъ долженъ видѣть предъ собою обѣ стороны, долженъ спокойно выслушивать и хвалу, нерѣдко восторженную, и порпчаніе, зачастую рѣзкое.

Взглядъ А. П. Берже на личность Н. Муравьева, дѣйствительно, является нѣсколько одностороннимъ; это, по мнѣнію моему, происходитъ оттого, что онъ не находился въ близкихъ неофіціальныхъ сношеніяхъ съ Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ; что ему недоступны были тайники сердца человѣка, который, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ личностей минувшаго царствованія. По мѣрѣ ближайшаго моего знакомства, въ теченіе года, съ Николаемъ Николаевичемъ, я неоднократно имѣлъ случаи убѣждаться, что въ немъ совмѣщались двѣ противоположныя натуры. Между тѣмъ какъ въ жизни частной, у себя въ кабинетѣ, съ глаза

на глазъ съ своимъ собесѣдникомъ, онъ являлся человѣкомъ мягкимъ, кроткимъ, доступнымъ, терпящимъ возраженія; изумлялъ разнообразными своими познаніями; вселялъ къ себѣ чувства не только уваженія, но и привязанности, сужденіями, обличающими самую высокую нравственность, твердость правилъ, безукоризненную честность, истинно религіозное настроеніе, пламенную любовь къ отечеству, стремленіе къ содѣйствію всему, могущему служить къ его преуспѣянію, — тотъ же Николай Николаевичъ въ мірѣ официальномъ принималъ на себя личину начальника непомѣрно строгаго, суроваго, черезъ-чуръ взыскательнаго, придирчиваго и мелочнаго; крутымъ, жесткимъ своимъ обхожденіемъ онъ всѣхъ отъ себя отталкивалъ, вселялъ страхъ и неудовольствіе; однимъ словомъ, систематически являлся букою и, какъ бы въ противность всѣмъ людямъ, коимъ свойственно желаніе казаться лучшими, чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ, Николай Николаевичъ какъ бы употреблялъ стараніе казаться суровѣе и жестокосерднѣе, нежели былъ въ дѣйствительности. И вотъ эта замѣчательная двойственность натуры его и вызвала столь много порицателей его дѣйствій.

Совершенно справедливо говоритъ г. Берже, что со страхомъ и трепетомъ ожидали на Кавказѣ назначеннаго, 29-го ноября 1854 года, намѣстникомъ кавказскимъ генерала Муравьева: „Настали времена террора“, говорили многіе. На чемъ основано было это повѣріе, — не берусь объяснять; но что дѣйствительно назначеніе Муравьева породило во всѣхъ кавказцахъ чувства страха, въ томъ ссылаюсь на засвидѣтельствованіе бывшихъ моими современниками на Кавказѣ. Знаменитое письмо Николая Николаевича къ А. П. Ермолову, каковому письму дано было, намѣренно, какъ можно болѣе огласки, и которое, во многихъ спискахъ, ходило по всему Кавказу и въ Тифлисѣ читалось задолго до прибытія туда новаго намѣстника, но могло не способствовать утвержденію всеобщаго предположенія, что непріязненно взираетъ онъ на все, что совершалось на Кавказѣ.

Что касается до меня собственно, то, вспоминая о столкновеніяхъ, происшедшихъ въ 1835 г. между кн. Воронцовымъ и Муравьевымъ во время управленія первымъ Новороссійскимъ краемъ и командованія послѣднимъ 5-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, въ томъ краѣ расположенномъ, столкновеніяхъ, имѣвшихъ для Муравьева самыя непріятныя послѣдствія; предполагая, что по свойству несовершенства естества человѣческаго, въ сердцѣ Николая Николаевича не могли храниться дружелюбныя чувства ни къ кн. Воронцову, ни къ тѣмъ личностямъ, которыя, подобно мнѣ, были неразлучными, ближайшими исполнителями его начертаній, я съ грустію думалъ о необходимости,

въ которую буду поставленъ, покинуть Кавказъ и ожидать прибытія новаго намѣстника въ Тифлисъ для полученія отъ него приказанія, кому ему угодно, чтобы я передалъ свою должность директора его канцеляріи? Между тѣмъ, кн. Воронцовъ, по полученіи, за границу, увѣдомленія о своемъ увольненіи, писалъ мнѣ изъ Дрездена относительно назначенія его преемникомъ Муравьева, что лучшаго, болѣе счастливаго, выбора невозможно было сдѣлать при тогдашнихъ обстоятельствахъ, требовавшихъ назначенія главнокомандующимъ энергичнаго, вполне обладающаго знаніемъ военнаго искусства. При этомъ кн. Михаилъ Семеновичъ выражалъ надежду, что я сойду съ новымъ начальникомъ и останусь на своемъ посту.

Въ послѣднихъ числахъ февраля 1854 года, прискакавшій ночью въ Тифлисъ адъютантъ генерала Муравьева, г. Жуковъ, объявилъ мнѣ приказаніе намѣстника—явиться съ самонужнѣйшими дѣлами въ Душетъ (въ 40 верстахъ отъ Тифлиса), куда онъ, переночевавъ въ Анапурѣ, намѣревался прибыть утромъ и заняться съ начальникомъ главнаго штаба, генераль-интендантомъ кавказской арміи, и со мною. Созвавъ немедленно начальниковъ отдѣленій управляемой мною канцеляріи и собравъ самыя спѣшныя бумаги, требовавшія скорѣйшаго разрѣшенія, я поспѣшилъ въ назначенную мѣстность. Вскорѣ послѣ меня пріѣхалъ въ Душетъ генералъ Муравьевъ. Являсь къ нему, я засталъ его крайне опечаленнымъ, стоявшимъ у камина. Обливаясь слезами, онъ мнѣ сообщилъ о полученной имъ въ ту ночь скорбной, всѣхъ поразившей, роковой вѣсти о кончинѣ императора Николая Павловича. „Теперь уже не до выслушанія докладовъ“, сказалъ мнѣ намѣстникъ, „надобно отправляться въ Тифлисъ, для распоряженій о принесеніи присяги воцарившемуся государю“. Затѣмъ, позвавъ меня въ другую комнату, Николай Николаевичъ удостоилъ меня бесѣдою самою интимною, чуждою всякой официальнойности. Эта первая съ нимъ бесѣда возродила во мнѣ впечатлѣнія, діаметрально противоположныя тѣмъ, которыя сложились въ моемъ воображеніи; въ продолженіе разговора съ намѣстникомъ, разговора, въ высшей степени занимательнаго, я постепенно сталъ убѣждаться въ ошибочности моихъ ожиданій встрѣчи съ начальникомъ грознымъ, суровымъ и недоброжелательнымъ къ лицамъ, находившимся при его предмѣстникѣ.

На слѣдующій день, 2-го марта 1855 г., принесена была, на Александровской площади, въ Тифлисъ, войскомъ и народомъ присяга Августѣйшему преемнику въ Божѣ почившаго императора, а 8-го марта представлены были намѣстнику лица, занимавшія гражданскія должности въ Тифлисѣ, и чиновники какъ состоявшіе при немъ для особыхъ порученій, такъ и его канцеляріи.

Все сказанное по сему случаю г. Верже совершенно вѣрно; но прибавлю, что здѣсь впервые обличилась истина, выраженная въ майской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1874 г., „Любителемъ Кавказа и Закавказья“, что „Н. Н. Муравьевъ былъ рыцаремъ чести и отличался благороднымъ забвеніемъ обидъ, а не мстительностью“. Къ сожалѣнію, должно замѣтить, что многіе изъ служившихъ на Кавказѣ, знавшіе о размовкѣ, происшедшей, въ старыя годы, между Муравьевымъ и кн. Воронцовымъ, полагали, что нельзя лучше угодить новому начальнику, какъ порицая распоряженія его предмѣстника. Такъ, одно изъ представлявшихся лицъ, съ которымъ Николай Николаевичъ занялся болѣе другихъ разговоромъ, вслѣдствіе близкаго своего знакомства съ родственникомъ этого лица, сосѣда Муравьева по имѣнію, на вопросъ: какую онъ имѣетъ служебную должность? отвѣчалъ: „Я былъ тѣмъ-то, но князь Воронцовъ смѣстилъ меня и передалъ мою должность одному изъ своихъ любимцевъ, имъ съ собою привезенныхъ“. Отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ, Николай Николаевичъ сказалъ: „у князя Воронцова любимцевъ на службѣ не могло быть, и онъ назначалъ на мѣста не любимцевъ своихъ, а тѣхъ, которыхъ признавалъ способными занимать эти мѣста и оказывать наиболѣе пользы“; и отошелъ отъ разочаровавшагося въ результатъ своей выходки помнутаго лица.

Первое время пребыванія Муравьева въ Тифлисѣ было имъ посвящено исключительно дѣламъ военнымъ, по званію главнокомандующаго войсками, расположенными на Кавказѣ; но въ продолженіе этого времени, въ одну изъ ежедневныхъ прогулокъ, въ 6-мъ часу утра, необходимыхъ для его здоровья, по великолѣпному саду при домѣ намѣстника, узнавъ, что въ той части дома этого, мимо которой онъ проходилъ, помѣщалась его канцелярія, Николай Николаевичъ спросилъ: здѣсь-ли директоръ канцеляріи? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ велѣлъ провести себя ко мнѣ; и я былъ очень изумленъ, когда двери моего кабинета открылись, и вошелъ намѣстникъ. Съ тѣхъ поръ эти посѣщенія повторялись каждое утро; закуривая трубку, Николай Николаевичъ вель со мною разговоръ совершенно частный, въ продолженіе коего, повторяю, ко мнѣ все болѣе и болѣе усиливалось чувство уваженія къ нему при обличеніи высокихъ качествъ его души и богатства разнородныхъ его научныхъ свѣдѣній. Дорожа временемъ, Николай Николаевичъ прекращалъ бесѣду приглашеніемъ меня съ собою въ садъ, и при словахъ: *time is money*, ¹⁾ выслушивалъ на ходу словесные мои доклады по

¹⁾ Время—деньги.

нѣкоторымъ дѣламъ, тутъ же призывалъ онъ начальника главнаго штаба, генераль-интенданта, коменданта, полиціймейстера и пр.

Первый мой официальный многосложный докладъ, по дѣламъ гражданскаго управленія Кавказомъ и Закавказьемъ, состоялся въ самое Свѣтлое Христово воскресеніе, вечеромъ. На этомъ и на послѣдующихъ, всегда вечернихъ, докладахъ, продолжавшихся по нѣсколько часовъ, я имѣлъ случаи въ подробности познакомиться съ официальной стороною существа Николая Николаевича, и признаюсь, она оставила во мнѣ тяжелыя воспоминанія. При ограниченной, сколько мнѣ казалось, опытности въ сферѣ администраціи, генераль Муравьевъ являлся крайне мелочнымъ, придирчивымъ, непомѣрно взыскательнымъ, обращающимъ вниманіе болѣе на формы, чѣмъ на сущность дѣла, и въ высшей степени недовѣрчивымъ. Приходилъ я къ нему съ многочисленными дѣлами, по всѣмъ отраслямъ гражданскаго управленія обширнѣйшей окраины имперіи, а возвращался отъ него съ весьма незначительною частію этихъ дѣлъ—разрѣшенными, отчего неминуемо долженъ былъ протѣдывать застой въ дѣлопроизводствѣ и усложненіе переписки. Нельзя при этомъ не замѣтить, что, подобно своему предмѣстнику, Муравьевъ прибылъ на Кавказъ съ сильными предубѣжденіями противъ всего, что тамъ творилось, и въ особенности противъ многихъ въ краю дѣятелей. Онъ мнѣ показывалъ списокъ служащимъ лицамъ, съ отмѣтками, имъ сдѣланными на татарскомъ языкѣ, изъ каковыхъ отмѣтокъ я могъ заключить о крайне ошибочной оцѣнкѣ, ему сообщенной, способностей и качествъ нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ.

Недовѣрчивость генерала Муравьева относилась не только къ служащимъ при немъ и исполнителямъ его указаній, но и къ самому себѣ; онъ не считалъ свое мнѣніе вполне безошибочнымъ, а контролировалъ его мнѣніями другихъ и, передавая соображенія одного лица другому, составлялъ изъ свода разнородныхъ соображеній, имъ собранныхъ, собственное свое, уже непреклонное убѣжденіе. Подобно тому, какъ въ судебныхъ мѣстахъ, приступается къ сужденію о дѣлѣ не прежде, какъ по выслушаніи тяжущихся сторонъ и ихъ адвокатовъ, когда вопросъ достаточно разъяснится,—Муравьевъ не прежде давалъ рѣшеніе, по какому-либо вопросу, какъ по всестороннему его обсужденію. Таковая система, конечно, вполне правильна и рациональна; но нельзя не сознаться, что въ такой странѣ, какъ Кавказъ, гдѣ такъ много зависитъ отъ случайностей, отъ быстро измѣняющихся обстоятельствъ, пунктаторство не можетъ не повести иногда къ послѣдствіямъ, весьма вреднымъ, какъ напр.: подряды на поставки продовольственныхъ припасовъ, перевозку тяжестей и пр., которые

сегодня были бы законтрактованы по такимъ-то цѣнамъ, завтра уже, по случаю климатическихъ или другихъ какихъ-либо вліяній, порчи дорогъ, или неожиданно возродившихся затрудненій, при весьма ограниченномъ въ край числѣ конкурентовъ на предпріятія, могутъ непомерно возвыситься или даже вовсе не состояться.

При всѣхъ своихъ истинно благородныхъ качествахъ, Муравьевъ не чуждъ былъ наущничеству, охотно допускалъ лесть и не равнодушенъ былъ къ воздаваемымъ ему хваламъ. Однимъ словомъ, онъ представлялъ непонятную смѣсь самыхъ высокихъ доблестей съ далеко незаслуживающими похвалы слабостями; самыя широкія теоретическія воззрѣнія съ необыкновенною узкостью въ примѣненіи ихъ на практикѣ; и не мудрено, что о немъ сложились самыя разнорѣчивыя мнѣнія.

Я упомянулъ о благородной чертѣ въ Н. Н. Муравьевѣ, проявившейся при представленіи ему, 8-го марта 1855 г., чиновниковъ. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи, представить еще другой примѣръ отличавшей его рыцарской чести. Предъ отъѣздомъ своимъ подъ Карсъ, Николай Николаевичъ, озабоченный требуемыми, по этому случаю, распоряженіями, передавая мнѣ бумагу къ подписи ему поднесенную, по одной отрасли гражданскаго управленія, не входившую въ сферу обязанностей лежавшихъ на его канцеляріи, приказалъ мнѣ, просмотрѣвъ эту бумагу, доложить ему мое по оной мнѣніе. Потребовавъ къ себѣ все дѣло, о которомъ шла рѣчь, я составилъ, по извлеченіи изъ онаго потребныхъ свѣдѣній, другое отношеніе и доложилъ намѣстнику, что, при сохраненіи существа дѣлаемаго ему представленія, разница въ прежде поднесенномъ ему къ подписи отношеніи въ кавказскій комитетъ и мною заготовленнаго, состояла лишь въ томъ, что въ первомъ, въ рѣзкихъ выраженіяхъ, порицалась мѣра, принятая его предмѣстникомъ; во второмъ, излагая пользу и благопріятныя послѣдствія, имѣвшіяся въ виду у кн. Воронцова, при допущеніи этой мѣры, она, къ сожалѣнію, не увѣнчалась желаемымъ успѣхомъ и потому испрашивается разрѣшеніе на ея отмену. Выслушавъ меня, Николай Николаевичъ сказалъ: „благодарю васъ, что оградили меня отъ поступка низкаго, меня недостойнаго“.

Вполнѣ справедливо сказано г. Берже, что, съ пріѣздомъ Муравьева, общественная жизнь въ Тифлисѣ видимо стала утрачивать ту привлекательность, которая придавала ей какой-то особенный отпечатокъ. Все какъ-будто замерло. Какъ истый спартанецъ древнихъ временъ, Николай Николаевичъ велъ жизнь необыкновенно строгую и воздержную, соблюдалъ всѣ посты, не позволялъ себѣ никакихъ общественныхъ удовольствій, никакого развлеченія, лишь изрѣдка

партіи въ шахматы. Неуклонно взыскивающій съ подчиненныхъ своихъ точнаго, безъ малѣйшаго упущенія, выполненія лежавшихъ на нихъ обязанностей и даваемыхъ имъ порученій, Муравьевъ не менѣе строгъ былъ къ самому себѣ. Все его время, всѣ досуги, посвящаемы были службѣ. Педантизмъ его въ этомъ отношеніи доходилъ до геркулесовыхъ столбовъ. Въ одинъ изъ приходовъ его въ кабинетъ моей канцеляріи, я пригласилъ его, между прочимъ, посѣтить театръ, доказывая, что вполне заслуживаетъ поощренія учрежденіе, имѣющее несомнѣнное вліяніе на развитіе науки и вкуса, изощреніе нравовъ и сліяніе туземцевъ съ русскими. Николай Николаевичъ согласился на мое предложеніе и присутствовалъ на одномъ театральномъ представленіи. На слѣдующее утро, на вопросъ мой, доволенъ-ли онъ остался спектаклемъ? намѣстникъ отвѣчалъ: „да, хорошо; но я на васъ сердитъ за то, что вы отняли у меня нѣсколько часовъ, принадлежавшихъ службѣ“. На это я осмѣлился замѣтить, что кн. Воронцовъ, который безъ усталости цѣлый день посвящалъ дѣламъ, по военной и гражданской частямъ, по вечерамъ уже ничѣмъ не занимался; любилъ собирать у себя общество и съ удовольствіемъ принималъ участіе въ общественныхъ увеселеніяхъ; „и потому-то“, отвѣтилъ Муравьевъ, „такъ мало при немъ сдѣлано въ сравненіи съ тѣмъ, что могло бы быть совершенно!“.

Къ сказанному г. Верже о русской банѣ, выстроенной, по приказанію Муравьева, въ саду при намѣстническомъ домѣ, прибавлю, что Николай Николаевичъ до того простиралъ бережливость казенныхъ денегъ и скупость на затраты изъ нихъ, что его тревожило то, что рѣшился издержать нѣсколько сотенъ рублей на постройку этой бани. На выраженное имъ по сему сѣтованіе, я отвѣчалъ ему, что если Государю Императору благоугодно было поставить его на столь высокій, имъ занимаемый, постъ, то, конечно, его величество былъ увѣренъ въ пользѣ, которую принесетъ онъ на этомъ посту; а какъ для возможности осуществленія этой пользы первымъ условіемъ является здоровье, и что для поддержанія его здоровья баня составляетъ необходимость, то, конечно, казна не пожалѣетъ ничтожную па то употребленную затрату.

Семейство свое Николай Николаевичъ не привезъ въ Тифлисъ. Въ частныхъ бесѣдахъ со мною онъ любилъ говорить о своей супругѣ, Натальѣ Григорьевнѣ, рожденной графинѣ Чернышевой; съ чувствомъ пѣжнѣйшей привязанности и самаго глубокаго уваженія показывалъ мнѣ иногда свою переписку съ ней, на англійскомъ языкѣ, и съ восторгомъ упоминалъ о высоконравственномъ воспитаніи, въ коемъ выросли его дочери.

Совершенно справедливо говорить г. Кропотовъ, что бывшіе въ прикосновеніи съ Николаемъ Николаевичемъ сохранили къ нему уваженіе и привязанность. Въ этомъ нельзя было не убѣдиться изъ писемъ, имъ получаемыхъ отовсюду, отъ бывшихъ его подчиненныхъ и близко знакомыхъ. Я же былъ лично свидѣтелемъ той преданности къ нему, той точной безропотной исполнительности самыхъ мелочныхъ его приказаній, коими были одушевлены его адъютанты. Не мало удивляло меня невозмутимое терпѣніе, съ коимъ они присутствовали, по нѣсколько часовъ стоя при докладахъ, которые не могли имъ казаться безусловно занимательными. „Имъ надобно учиться“, говаривалъ Муравьевъ, „сами они, когда будутъ занимать высшія служебныя должности, поблагодарятъ меня за пріобрѣтенныя ими при мнѣ: знанія, навыки и опытность“.

При этомъ случаѣ долженъ указать на ошибочность мнѣнія, что чрезъ снисходительность кн. Воронцова, ласковое и кроткое обращеніе съ его подчиненными породилась между ними распушенность и пренебреженіе всякой дисциплины. Князь Воронцовъ дѣйствительно обращался съ служащими при немъ не какъ съ чиновниками, а какъ съ сотрудниками, рука объ руку съ нимъ стремящимися къ достиженію одной благой цѣли; онъ охотно допускалъ шутки, но никогда никто не осмѣливался предъ нимъ забываться, никогда не нарушалась должная подчиненность. Всѣ, его окружающіе, любили и почитали какъ отца; всѣ наперерывъ старались наиуспѣшнѣе выполнить его порученія; страшились не грознаго гнѣва его, но и малѣйшаго признака его неудовольствія или неодобренія; отсутствіе на устахъ его той очаровательной улыбки, которая на всѣхъ дѣйствовала притягательною силою, было для каждого чувствительнѣе выговора.

Не стану касаться дѣйствій генерала Муравьева подъ Карсомъ не потому, чтобы я вполне раздѣлялъ мнѣніе „Любителя Кавказа и Закавказья“, что гражданскій чиновникъ, съ канцелярскими взглядами, не долженъ отваживаться на обсуживаніе стратегическихъ дѣйствій и военныхъ достоинствъ заслуженнаго человека, но потому, что мнѣ неизвѣстны причины, побудившія генерала Муравьева послѣпить штурмомъ. Не могу, однако, не сказать въ подтвержденіе приведеннаго г. Берже, что командовавшій въ Карсѣ генералъ Вилліамсъ, съ коимъ я близко познакомился въ Тифлисѣ, выхваляя мѣры, принятыя Муравьевымъ для блокады крѣпости, каковыми мѣрами пресѣчена была возможность доставленія туда продовольственныхъ припасовъ и гарнизонъ былъ доведенъ до совершеннаго голода и изнуренія, отзываясь съ восторгомъ о мужествѣ нашего войска, съ кото-

рымъ, по его словамъ, можно бы овладѣть вселенною,—выражалъ удивленіе, что, въ виду неминуемой необходимости сдачи крѣпости, гарнизонъ коей недолго еще былъ въ состояніи держаться, русскіе рѣшились безъ фашинь, лѣстницъ и достаточныхъ крѣпостныхъ орудій лѣзть на штурмъ. Какъ бы то ни было, но неоспоримо, что взятіе Карса есть событіе громадной важности; вѣсть о немъ преисполнила всѣхъ сыновъ Россіи безпредѣльнымъ восторгомъ. Кн. Воронцовъ, находившійся тогда въ Петербургѣ, сообщилъ мнѣ, что съ всеобщей радостью столица узнала объ этомъ событіи. „Ты не можешь себѣ представить“, писалъ онъ мнѣ „глубокую признательность, которую меня преисполнило милостивое сообщеніе мнѣ Государемъ Императоромъ, тотчасъ по полученіи имъ донесенія Муравьева. Я немедленно послѣдшилъ во дворецъ, для принесенія его величеству поздравленія, и былъ свидѣтелемъ радости и восторга, всѣми овладѣвшихъ“. Не менѣе справедливо, что паденіе грозной твердыни, почитавшейся нашими врагами несокрушимой, имѣло громадное вліяніе на условія парижской конференціи о мирѣ.

Отправляясь, 10-го мая 1855 г., къ дѣйствующему корпусу на кавказско-турецкой границѣ, Муравьевъ возложилъ на князя Бебутова рѣшеніе дѣлъ по гражданскому управленію Кавказомъ и Закавказьемъ. Съ обширною административною опытностію кн. Василія Осиповича, съ его совершеннымъ знаніемъ края и людей, съ его проницательнымъ умомъ и неусыпною дѣятельностію, снятъ былъ тормазъ съ груза накопившихся дѣлъ; онѣ приняли безостановочное теченіе и доставляемы были Муравьеву въ лагерь всему производившемуся меморіи, которыя возвращались съ замѣчаніями и вопросами, нерѣдко обличавшими мелочное обращеніе болѣе къ формѣ, нежели къ существу дѣла.

Изъ-подъ Карса Николай Николаевичъ писалъ Бебутову о своемъ намѣреніи представить меня къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ. Признаюсь, невыразимо грустно мнѣ было мыслить, что мнѣ придется покинуть очаровательную страну, къ которой я привязался душою, разстаться съ сферою дѣятельности, съ которою я сроднился, которую я почиталъ самою живительною, самою плодотворною; но, конечно, я съ благодарностію принялъ сдѣланное мнѣ лестное предложеніе.

Въ январѣ 1856 г. послѣдовало высочайшее назначеніе меня сенаторомъ, присутствующимъ въ 7-мъ департаментѣ сената.

Разставаніе мое съ Н. Н. Муравьевымъ, было поистинѣ снать, вполне дружеское. Какъ ни тяжело было мнѣ подъ часть служеніе мое при немъ, но никогда не изгладится изъ моего сердца призна-

тельная память, за благосклонное, имъ постоянно оказываемое ко мнѣ, расположеніе. Прощаясь со мною, Николай Николаевичъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ: „я убѣдился, что на Кавказѣ болѣе честныхъ, способныхъ, добросовѣстныхъ и усердно исполняющихъ свой долгъ людей, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи. Не полагаю, чтобы мнѣ еще долго пришлось оставаться на своемъ посту, прошу васъ посѣтить меня въ Скорняковѣ.¹⁾ Тамъ мы будемъ ѣсть русскіе пироги и бесѣдовать о дорогомъ нашемъ Кавказѣ“.

Не удалось мнѣ воспользоваться приглашеніемъ генерала Муравьева, но, по оставленіи имъ управляемой страны, я имѣлъ удовольствіе съ нимъ видѣться перѣдко въ Москвѣ, какъ у него самого, такъ и у меня, и у брата его, Александра Николаевича, присутствовавшего, вмѣстѣ со мною, во 2-мъ отдѣленіи 6-го департамента сената. Бесѣды мои съ Николаемъ Николаевичемъ все болѣе и болѣе знакомилъ меня съ высоконравственнымъ, истинно-религіознымъ его настроеніемъ и съ обширными многосторонними его научными свѣдѣніями; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти бесѣды утвердили во мнѣ убѣжденіе, что при неосѣненномъ, неусыпномъ стремленіи Н. Н. Муравьева къ благоустройству вѣренныхъ ему частей, къ преслѣдованію и искорененію повсюду могущихъ вращаться злоупотребленій, къ водворенію порядка, благочинія и охраненія славы Россіи, онъ не обладалъ тою творческою предприимчивостію, которая помогла кн. Воронцову исторгнуть изъ состоянія младенчества Новороссію и Бессарабію, развить ихъ жизненныя силы и положить начало той степени возмужалости, на которой нынѣ находятся Кавказъ и Закавказье.

М. П. Щербининъ.

¹⁾ Имѣніе Николая Николаевича Муравьева въ Воронежской губерніи, въ Задонскомъ уѣздѣ.